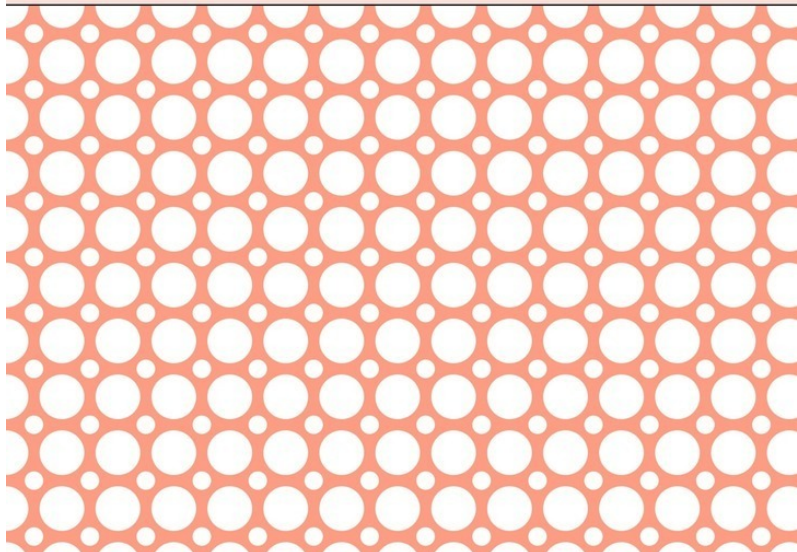

Сергей Остапов
Владимир Асоргин

*История
выигрыша*

Владимир Асоргин
Сергей Остапов
История выигрыша

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24502750

ISBN 9785448537066

Аннотация

Этот роман о любви мало кого оставит равнодушным. Два успешных человека в расцвете сил и возможностей, вечные спорщики и при этом друзья детства, заключают пари. На кону – миллион долларов. Один из них, скептик, многоженец, плейбой, не верящий в то, что существует любовь без корысти; второй – берется доказать обратное: бескорыстная любовь существует! Так кто же из них сорвет куш?

Содержание

От автора	5
Часть I. Пари	7
Конец ознакомительного фрагмента.	50

История выигрыша

Сергей Остапов
Владимир Асоргин

Редактор Остапов Сергей

© Сергей Остапов, 2017

© Владимир Асоргин, 2017

ISBN 978-5-4485-3706-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Этот роман о любви мало кого оставит равнодушным.

Два успешных человека в расцвете сил и возможностей, вечные спорщики и при этом друзья детства, заключают пари. На кону – миллион долларов.

Один из них, скептик, многоженец, плейбой, не верящий в то, что существует любовь без корысти; второй берется доказать обратное: бескорыстная любовь существует! Так кто же из них сорвет куш?

Вторая часть романа независима от первой, но наших героев-спорщиков не разлучает. Здесь их спор принимает иное русло, и доказательством всепобеждающей любви служит Чудо. Чудо выигрыша!

Попытки авторов донести до читателя мысль, что Чудо – не эфемерная субстанция, а нечто более реальное – очевидны. Нужно лишь искренне его возжелать...

Название книги выбрано не случайно – оно притягивает взгляд всякого, кто стоит перед выбором: купить билет или нет? Каждый человек живет надеждой: а вдруг?

Книга увлекательна и эмоциональна, она философски переосмысливает общепризнанные человеческие ценности. Это современная притча о взаимоотношениях мужчины и женщины, о тех испытаниях, которые они встречают на жизненном пути.

Авторы не обязательно разделяют религиозные, политические, эстетические, политические и прочие взгляды и мнения, высказываемые персонажами романа. Время и место событий – достоверные. Имена – вымышленные. События – на суд читателя.

Часть I. Пари

Наконец жара отступила, и во всей красе явился благодатный бархатный сезон. Побережье в районе двенадцатой станции Большого Фонтана славного города Одессы оведал легкий бриз. Волны лениво окатывали галечный берег. Солнце уже миновало пик и неуклонно скатывалось к линии горизонта. На море стоял почти полный штиль. Над водной гладью шныряли вечно голодные чайки. Пляжники, не обремененные отправкой своих чад в школу, впитывали в себя остатки лета, пребывая в томной неге.

Вдоль берега уныло брел фотограф, тщетно предлагая свои услуги. От него лениво отмахивались. Было видно, что он изрядно пьян. Ноздри щекотал запах из шашлычной, расположенной неподалеку от пляжа. Оттуда же неслась музыка. Царила та атмосфера, погрузиться в которую мечтает каждый, кто хоть раз побывал на побережье в этот неповторимый сезон, а все остальное время года видит ее в своих самых лучших, радужных снах.

На обширной веранде, где без труда мог бы разместиться симфонический оркестр, сидели двое. Когда-то, в советские времена, эта веранда шикарного особняка служила пристанищем местному партийному боссу, который во спасение нервов от своей бесноватой жены, алчных детей и бесконечных бестолковых заседаний разнообразил, причем нередко,

свою рутинную жизнь в обществе обворожительной секретарши и пары преданных «шестерок» в качестве obsługi.

Затем в девяносто первом Ельцин, взобравшись на танк, дал недвусмысленно понять, что ему, да и прочей подобной шушере пора отправляться «ко двору». Началась пора глобальных перемен. Босс отправился в объятия своей опостылевшей жены, сладкая секретарша сгинула, а особняк, пройдя череду приватизаций, попал в лапы самому богатому и удачливому из претендентов – Максиму Соболеву. В настоящий момент он был одним из сидящих на этой веранде. Это был грузный человек с коротким ежиком волос и породистым лицом, не так давно разменявший шестой десяток. Он был по-настоящему богат, мог себе позволить не думать о деньгах вообще, много раз в году отдыхал, объездил полмира. Его бизнес был в России. Чудом оставшись в живых, в бесконечных конкурентных войнах в лихие девяностые, сейчас он уверенно сидел на нефтяной трубе, призрачивая денежки в офшорах. На него работала целая команда грамотных менеджеров; он лишь наслаждался жизнью, осваивая те ее лучшие грани, на которые в предшествующие годы у него не было времени даже взглянуть. Он жил в свое удовольствие, был вершителем многих судеб, в какой-то мере занимался благотворительностью и любил шахматы. Правда, кроме шахмат, он любил еще много чего: красивых труднодоступных женщин, которые в итоге все же оказывались в его постели, хорошие итальянские вина, морские путеше-

ствия на собственной яхте.

Его собеседник, тех же лет, по жизнеустройству мало чем отличался от Соболева. Сделав отличную карьеру, он достиг таких высот, что выше было уже и некуда. Он был продюсером и владельцем крупного украинского телеканала и нескольких еженедельных газет. В отличие от своего друга-ловеласа он был примерным семьянином, всю жизнь жил с единственной женой, которую когда-то страстно любил, и после каждой случайной связи неимоверно страдал душой. Внешне он являл собой полную противоположность Соболеву (а они были друзьями со школьных времен) – высок, худ, очкаст. Голову венчала каким-то образом сохранившаяся шевелюра. Он был поразительно похож на Гоголя, и в молодости иные шутники так его и называли. На это он нисколько не обижался, сам зная о сходстве с великим писателем; это ему даже льстило. Будучи утонченной натурой с тонкой душевной организацией, он увлекался оперой, хорошей литературой, посещением художественных выставок, где нередко покупал полотна. В его огромной городской квартире одна из комнат была отведена под библиотеку из тысячи томов тщательно подобранной литературы, альбомов по всемирной живописи, словарей и энциклопедий. Более всего свой досуг он любил проводить именно здесь. В библиотеке стояли небольшой диванчик, журнальный столик и торшер. В такие часы компанию ему составляла только стареющая овчарка. Улегшись на своем коврик в углу ком-

наты, она не сводила с хозяина преданных глаз. Хозяина звали Сергей Сотников. Делила с ним квартиру его жена, Елена Михайловна, неглупая женщина на восемь лет моложе своего благоверного. В последние годы она сильно располнела, практически не покидала квартиру и была погружена в бесконечные телесериалы и телешоу. Все хлопоты по дому были взвалены на плечи приходящей домработницы.

В настоящий момент оба друга, расположившись на веранде, любовались морским пейзажем, цедили маленькими глотками «Хенесси» и вели неспешный разговор. Чуть ниже, возле бассейна, растянувшись в шезлонгах, нежились на солнце две девушки. Они сбросили с себя бикини, чтобы на их загорелых красивых юных телах не остались белые полосы. Смуглые спины, длинные стройные ноги, аппетитный загар... Бикини – не более чем символическая уступка общественной благопристойности. Будто две свежие булочки – теплые, вкусные, сытные. Девушки, лениво переговариваясь, ждали своего часа. Друзья, хоть и поддерживали связь по телефону, встречались нечасто. Сотников прилетел в Одессу сегодня утром. В отличие от Максима, он из-за бешеного ритма телевизионно-газетной деятельности редко мог позволить себе полноценный отдых, но сейчас, благодаря настойчивым приглашениям давнего приятеля, бросил все, собрал чемодан и, передав все дела коллеге, которому безоговорочно доверял, рванул в Одессу.

После того как поговорили о насущном – как, мол, де-

ла и жизнь вообще, – после завтрака, плавно переходящего в обед, разговор понемногу начал затухать. Теперь говорилось о вещах незначительных, вне сферы бизнеса. Максим вдруг заговорил о своем безденежном детстве, и хотя Сотников слышал эти притчи неоднократно, сейчас он не скрывал любопытства: каждый раз в рассказе обнаруживались новые детали, к тому же Макс был непревзойденным рассказчиком, и слушать его было одно удовольствие.

– Трудно мне было без бабла, вокруг столько соблазнов. Я, как бомж, собирал бутылки, но их становилось все меньше и меньше, а желающих их заполучить все больше. Одно время я запускал руку в карман папиной шинели – как ты помнишь, он был военным. В удачные дни я выгребал оттуда около рубля и чувствовал себя Крезом. Вскоре папаша понял, в чем дело, и я был несильно бит. Он стукнул меня тапком с подошвой из литой резины аккурат по башке. Было больно и обидно. Но этого ему показалось мало. Он лишил меня праздника. Эксцесс произошел накануне моего десятилетия, я ждал подарков, праздничного стола, друзей, но всего этого не было. Вот так он меня наказал. Я принял это как должное: вор если и не должен сидеть в тюрьме, то наказан будет непременно. Тогда я не был «плохишом» и понимал вещи именно так. Это потом, спустя годы, я вспомнил тот случай, и обида пустила свои корни: как он мог из-за горсти мелочи лишить своего ребенка первого юбилея! Но таков был мой папа, военный юрист, впоследствии военный про-

курор. После этого я довольствовался пятнадцатикопеечной монетой в день, выдаваемой мамой на школьную булочку.

– А что ты вообще был так зациклен на деньгах в детстве? Лично я прекрасно без них обходился, – спросил Сотников, заинтригованный откровениями приятеля. – Зачем они вообще тебе были нужны? Ты был сыт, одет. Что еще нужно человеку, чтобы достойно встретить юность?

– Как это зачем? На них можно было что-то купить. Свое. На свой вкус и интерес. На них можно купить все! Начиная от мороженого и заканчивая островом в прибрежных водах Атлантики. На них можно купить власть над людьми, а это наиболее ценная покупка. На них можно купить любую женщину. На них можно купить роскошную жизнь! Короче, все!

– В какой-то мере ты прав. Но все-таки не все. Женщину купить можно. Но нельзя купить ее любовь. Я имею в виду настоящую любовь, не продажную.

– Нет настоящей любви! Ты что, до сих пор этого не понял? Любовь всегда продажна, начиная с вокзальных проституток, заканчивая добропорядочными женщинами, любовь которых иссякает по мере истощения кошелька избранника, будь то супруга с нажитыми вместе детьми и имуществом или давняя подруга. При этом жены кидают своих мужей не просто так, они еще успевают оторвать солидный куш, нутром чувствуя момент, когда нужно разводиться, пока у мужа еще есть какие-то деньги на счету. Вспомни моих трех жен. Какая была любовь! Особенно отличилась в этом

плане третья. Она меня обобрала как липку! Это была последняя неудача в бизнесе, когда я начал терять все. Она почувствовала ситуацию, быстро со мной развелась и оторвала половину того, что у меня оставалось. Сейчас живет безбедно, даже несколько раз звонила, интимно ворковала в трубку: мол, сожалею о нашем разводе, мол, ты не был чуток ко мне, вечно где-то пропадал... Видимо, у нее заканчиваются деньги. Даже если бы я сошелся с ней вновь, ничего бы не получилось. Не смог бы я вторично полюбить ту, которую однажды действительно разлюбил. Любовь... Что это за слово такое? Не родился еще человек, который мог бы толком объяснить, что это за чувство. Так, жалкие потуги... Вождение, безумная страсть, постель, жаркие клятвы... Вопрос, возникающий после жарких ночей в голове каждой современной женщины в наш век тотального прагматизма: а что я с этого буду иметь?

– Но... – попытался вставить слово Сотников. – Было же ведь.

– Никаких «но»! Я еще не закончил! – Было видно, что Макса эта тема здорово зацепила. Одним глотком он осушил полную рюмку коньяка и тут же наполнил вновь. Повертев ее в руках, он сделал маленький глоток и произнес: – А где наши девочки?

Вопрос прозвучал явно не в тему разговора. Сотников терпеливо ждал. Максим, неторопливо закурив сигару, сделал несколько глубоких затяжек, завернулся в халат и, каза-

лось, задремал. Через пару минут открыв глаза, он продолжил. Видно было, что ему не очень хотелось развивать эту тему, но, будучи прирожденным спорщиком, сдаваться он тоже не собирался. Сотников же, хорошо зная своего приятеля, ждал продолжения.

– Так вот, на чем я остановился? На прагматизме современных женщин? На так называемой любви? Как вообще я могу разговаривать на эту тему с идеалистом? С человеком, напичканным Петраркой, историей любви Тристана и Изольды, Маргариты с ее Мастером? А может, вспомним Грушеньку из Карамазовых? Или Джульетту с Ромео шекспировских вспомним? Истинная любовь похожа на привидение: все о ней говорят, но мало кто ее видел. Я не знаю, почему все мои жены меня оставляли. Никогда не считал себя глупцом. Ведь их всех я действительно поначалу любил, или это всего лишь казалось? Ведь не всякий человек, познавший глубины своего ума, познал глубины своего сердца. Мы так привыкли притворяться перед другими, что под конец начинаем притворяться перед собой. Не знаю... Может, я проявлял, особенно на закате своей «брачной карьеры», слабость характера? А это, как известно, единственный недостаток, который невозможно исправить. Помню, как я по-настоящему горевал после своего второго развода. Тогда я был уверен, что по-настоящему влюблен, а чем сильнее мы любим женщину, тем больше склонны ее ненавидеть, что со мной и случилось. Я даже толком и не разобрался, какое

из этих двух чувств доминировало. Поначалу все было просто прекрасно, как у всех людей, почувствовавших неодолимое влечение друг к другу. Мы возносили до небес достоинства друг друга. Потом я начал понимать, что мы это делаем лишь затем, чтобы услышать похвалу в свой адрес. Потом настала полоса, когда, поначалу вкрадчиво, я начал думать, что вполне мог бы обходиться без нее... Но тот, кто думает, что может обходиться без других, очень ошибается; а тот, кто думает, что другие не могут обойтись без него, ошибается еще больше. По этой схеме все и вышло. Я стал пристальней вглядываться в нее и в итоге обнаружил целый букет недостатков, с которыми поначалу с легкостью мирился, ведь одним людям идут их недостатки, а другим даже достоинства не к лицу... Я, часом, не достал тебя своей доморощенной философией?

Максим повернулся к другу. Видно было, что тот слушает его с живейшим интересом. Небосклон давно уже покинуло дневное светило, уступив место царице ночи луне. Природа замерла. Не ощущалось ни малейшего дуновения ветра. Воспетая поэтами лунная дорожка уходила до самого горизонта. Была полная тишина, нарушаемая лишь слабым всплеском прибрежной волны. Оба некоторое время молчали, попивая мелкими глотками коньяк и наполняя веранду ароматом дорогих гаванских сигар. Изредка дорогу вокруг особняка освещали фары пронесившихся машин. Сотникову на мгновение показалось, что его друг хочет сострадания, при этом

Сергей прекрасно знал, что Макс – типичный человек настроения и завтра с хохотом будет утверждать, что на него всего лишь нашла блажь и что вообще ничего подобного он не говорил, ведь чаще всего сострадание – это способность увидеть в чужих несчастьях свои собственные, это предчувствие бедствий, которые могут постигнуть и нас. Мы помогаем людям, чтобы они в свою очередь помогли нам. Таким образом, наши услуги сводятся просто к благодеяниям, которые мы загодя оказываем самим себе. Сотников, поймав себя на мысли, что в своих рассуждениях Макс зашел слишком далеко, нарушил молчание первым:

– Любопытные вещи ты мне рассказал. Твоя история – да, весомый аргумент. Ну а как ты воткнешь в свою теорию о безоговорочно продажной любви тех же жен декабристов – да, тех самых декабристов, которые, пнув сапогом спящего Герцена, объявили начало смуте, приведшей Россию к гибели? Речь не о них, а об их женах. Как они, нагруженные под завязку скарбом, двинулись вслед за своими мужьями, прекрасно зная о лишениях, которые их ждут впереди? Это ли не истинная любовь? Состраданию здесь не место!

– Бла-бла-бла! Все твои жертвы истинной любви – всего лишь литературные герои, выдуманные персонажи. И вообще, много ли в мировой литературе положительных примеров? Я, конечно же, не одолел столько классики, как ты, но прочел немало, уж поверь. И кроме булгаковского Иешуа, «идиота» князя Мышкина и Алеши Карамазова нико-

го что-то не припомню. И заметь, все мужчины. А из женщин... Ну, скажем, Наташа Ростова, героини Жорж Санд, Шарлотты Бронте и почти все «тургеневские девушки». Как-то мало их. В книге можно написать что угодно! Человечество во все века с трепетом относилось к любви, поэтому о ней писали так напыщенно. Да, декабристы с их верными женами, променявшими безбедную жизнь на поселение в Сибири, не литература – реальность. Но это было почти два века назад. И это был особый сорт людей – дворяне, их состояния приумножались из поколения в поколение, они действительно не думали о деньгах, и их браки в полном смысле заключались на небесах. В те времена была совсем иная мораль. О tempora! О mores! Я сейчас говорю о другом, о поколениях, духовно искалеченных советской властью. За эти семьдесят лет генофонд страны был практически уничтожен. Кто успел – уехал, остальные сгнили в лагерях. Когда рухнула Берлинская стена, а затем Ельцин подарил стране свободу, все возликовали: ура, мол. Но никто толком и не знал, что с ней, со свободой, делать. Появились огромные деньги у наиболее наглых и предприимчивых, например, у меня. – Макс ослабился и тут же продолжил. – Да и у тебя тоже. Все бросились наверстывать упущенное. Сначала это было смешно, сам помнишь. Малиновые пиджаки, «голды» на шее толщиной с палец, автоматная стрельба в центре города, крутые тачки, поездки по Европам, о которых в прессе было стыдно читать... Знаю, Серега, что ниче-

го нового я тебе не рассказал, все было на твоих глазах.

Но думается мне, что именно в те годы и появилось в женских умах, да и не только в женских, это отвратительное понятие – прагматизм. Женщины, как истинные хозяйки нашей планеты, сразу же смекнули, что происходит. Мужики, как правило, смотрят на небо, считая звезды, а женщины – под ноги. Новоявленные нувориши внезапно богатели и так же внезапно теряли свои миллионы. Красивые и предприимчивые представительницы прекрасного пола в мгновение ока оказались в постелях самых успешных из них. К хорошему ведь очень быстро привыкаешь. Они быстро и уверенно заняли место возле прилавков эксклюзивных европейских бутиков. Пресловутые «Шанель №5», о которых советские женщины говорили с придыханием, вошли в нецензурный сленг «новорусских» школьниц.

А жизнь продолжала выписывать свои странные узоры. Большая часть населения, резко отброшенная за грань нищеты, выживала, как могла. Уже никого не удивлял профессор, торгующий гигиеническими женскими прокладками на городском рынке. Поток «челноков» из Китая стал нормой жизни. Сколько судеб было разбито, сколько семей распалось... Сколько вчерашних миллионеров полезло в петлю... Ну а их женщины без малейших угрызений совести перебрались в постели сегодняшних. Примеров не счесть. И я не знаю ни одного, кто выбрался из грязи в князи, а затем по воле рока с заоблачных высот опять угодил мордой в грязь

и смог удержать свою женщину. Поэтому и утверждаю: любовь и деньги всегда идут по жизни рука об руку! Женщина по своей натуре обречена на повиновение. Это видно уже по тому, что всякая из них, попав в противоестественное для нее положение полнейшей независимости, тотчас же примыкает к какому-нибудь мужчине, которому позволяет руководить и господствовать над собой, и, разумеется, содержать – ведь ей нужен господин. Если она молода – им будет муж или любовник, если стара – духовник.

Как прав был старик Декарт, изрекший однажды: «Непостоянство – имя твое, женщина!» Ну не может быть любви без денег! Нередко женщины, нисколько не любя, все же воображают, будто они любят. Увлечение интригой, естественное желание быть любимой, подъем душевных сил, вызванный приключением, и боязнь обидеть отказом – все это приводит их к мысли, что они страстно влюблены, хотя на самом деле всего лишь кокетничают, чаще всего даже не осознавая этого. Ум у большинства женщин служит не столько для укрепления их благоразумия, сколько для оправдания их безрассудств.

Сотников терпеливо выслушал этот пространный монолог, не перебивая. Он и представить себе не мог, что Макс, видимо, столько испытал на любовных фронтах, что, окончательно разочаровавшись в женской преданности, сможет выдвинуть такую теорию. Живя всю жизнь с единственной женщиной, он был далек от душевных мук, терзавших его

друга. Любовь давно уже покинула их обоих, уступив место привычке. Когда люди уже не любят друг друга, им трудно найти повод для того, чтобы разойтись. Так они и жили. И ничего в своей жизни менять он уже не собирался. Нечастых, ни к чему не обязывающих любовных связей ему было предостаточно. Он твердо стоял на ногах, смутные времена прошли. У него была интересная работа, которую он любил и за которую получал очень немалые деньги, и он был совершенно спокоен за свою грядущую старость.

– Что-то ты совсем уже озлобился на женщин. Натуральный женоненавистник. Одной меркой их меришь. Есть ведь и порядочные женщины, – не совсем уверенно после такой убийственной речи возразил Сергей.

– Почти все порядочные женщины, – ни секунду не задумываясь, парировал Соболев, – это нетронутые сокровища, которые потому и в неприкосновенности, что их никто не ищет. Я уже давно разделил всех женщин на две категории: порядочные женщины и женщины, которые нравятся мужчинам. А не пора ли нам баиньки? А то девочки уже заждались. Что? Не хочешь? Ну, как знаешь. Тогда я возьму обеих, тряхну стариной.

Было уже поздно. Великолепная луна сияла на небосклоне, усыпанном мириадами звезд. Несмотря на сентябрь, было необыкновенно тепло. Отправив друга навстречу блуду, Сотников некоторое время сидел на веранде, смакуя коньяк и перебирая в памяти их разговор. Со многим он не был со-

гласен и, хоть и очень хотел переубедить Макса, считал это делом безнадежным. Они были давними друзьями, и, хотя величайший подвиг дружбы не в том, чтобы показать другу свои недостатки, а в том, чтобы открыть ему глаза на его собственные, он был уверен, что словесные перепалки не заставят Соболева отказаться от своих убеждений – и, тем не менее, считал разговор незаконченным.

Проснулся Сергей ближе к полудню. Выйдя в халате на веранду, освещенную ярким солнцем, он обнаружил там приятеля, попивавшего кофе. Девушки уже покинули эту обитель греха. Сотников примостился рядом, налил себе кофе, скинул халат и, зажмурившись, подставил тело палящему солнцу. Долгое время оба хранили молчание.

– А пойдём-ка на пляж, а? Как на это смотришь? Кто знает, какая погода будет завтра. А потом позавтракаем, – допив кофе, предложил Макс. – Вода чудесная. Это не Ланжерон и не Аркадия, там вообще невозможно купаться, настолько грязная вода.

Сотникова не пришлось долго упрашивать, и они неторопливо двинулись в сторону моря. Когда полтора часа спустя друзья вернулись на веранду, их уже ждал изысканный завтрак на белоснежной скатерти. Над столом раскинулся огромный зонт, в тени которого мужчины и расположились, спасаясь от жарких солнечных лучей. Некоторое время они, молча, поглощали еду, запивая легким вином. Наконец Сотников произнес:

– Мне не дает покоя наш вчерашний разговор. Во многом ты, несомненно, прав. Трудно не согласиться с такими убийственными аргументами. Но не во всем. Я верю, что бескорыстной любви есть место в нашей нынешней продажной жизни, и берусь тебе это доказать!

– Ну и как же ты собираешься это сделать? – Макс повернул голову. В его взгляде читалась легкая ирония.

– Самым обычным образом. На примере. Я все обдумал. Возьмем, предположим, две пары, две состоятельные пары, разорим их и посмотрим... Нет, не так. Найдем одну процветающую ныне семью, пустим ее по миру, а сделать это можно, как ты знаешь, элементарно, а затем посмотрим, как долго женщина продержится возле обнищавшего в одночасье кормильца. Со второй парой будет сложнее. Нужно найти такую семью, которая потерпела крах уже давно, но женщина осталась в семье из чистой, бескорыстной любви. Причем эта женщина должна быть красивая, востребованная и многими желанная. Скажу больше, непросто найти такую женщину и убедиться, что, несмотря на лишения, причина которых – внезапное разорение мужа, она все же осталась с ним. Но и это еще не все. Мы окружим ее такими соблазнами, против которых устоять будет трудно. И если она перед ними устоит, это и будет доказательством, что любовь, настоящую любовь, не купишь! Помнишь, «Битлз» когда-то так и спели: «Can't buy me love, everybody tells me so», – фальшиво пропел Сотников. – И я уверен, что такая женщина есть, а если я

найду хоть одну, значит, существуют и подобные ей. А чтобы это не выглядело как праздный спор, мы заключим с тобой пари. Тема мне кажется интересной, да настолько, что я готов сделать из нее рабочий проект. В конце концов, я телевизионщик и сделаю потом из этого проекта грандиозное телешоу, куда мы пригласим эти две пары. Весь процесс, разорение одной и соблазнение другой, будет сниматься скрытой камерой, так что на этом шоу, помимо устных комментариев, будет отличный видеоряд. Ну и как тебе моя идея? Если проиграю я, ты получишь от меня миллион. Долларов, естественно. Ну а если ты, то миллион с тебя. Но не мне, а женщине, для которой любовь выше денег, и чек на этот миллион ты вручишь в конце шоу этой женщине в награду за ее бескорыстие.

– Мне, конечно, жаль твоего миллиона. Но ты меня интригуешь. Неплохое, мне кажется, будет развлечение. Хорошая шахматная партия, но не на доске, а в жизни. Мне это начинает нравиться. Считай, что я согласен! С первой парой все проще простого. У меня есть уже готовые претенденты на роль жертвы. Есть такие, которые пытались вставлять мне палки в колеса, некоторым это даже удавалось. Они шли по трупам, сколачивая свои состояния, и хотя бы одного из них я готов наказать. Я уже даже знаю, кого конкретно. И накажу его с преогромным удовольствием, он этого заслуживает.

– У меня тоже есть такие, которых я, при желании, по-

топил бы. Но я как-то все простил и просто вычеркнул их из своей жизни, а раз уж у тебя есть готовый персонаж, то предоставляю выбор тебе. Техническая сторона полностью будет на мне. Камеры, операторы-невидимки; есть у меня такие ребята, которые справятся с этим мастерски; ну и уличное видеонаблюдение... При этом, я убью сразу двух зайцев: сделаю отличное телешоу и докажу миру, что истинную любовь не купишь ни за какие деньги. Вселю надежду нашим брошенным мужикам, что существует такая любовь, что нужно просто не торопиться с выбором, а поискать ее. Ну а женщины сами об этом давно догадываются. Так что, пари?

– О'кей. Пари! – На лице Макса читалось заметное оживление. Друзья подняли бокалы, звонко чокнулись и осушили их до дна, отмечая столь необычную сделку. – А сейчас сиеста. Ты как хочешь, а я пойду, вздремну пару часов. Активные, однако, девушки попались. Давно не припомню такой бурной ночи. А девки, кстати, и не совсем простые. Одна так вообще под утро стала мне читать Блока. Под эти стихи я и заснул с благодарной улыбкой на устах. Надо будет поблагодарить Арсена; это он прислал мне девчонок; у него хороший вкус. Ладно, пошел я, да и тебе советую, хоть ты и провел ночь праведника. Как насчет вечернего бильярда, не против? У меня отличный стол.

С этими словами Соболев покинул друга и растворился в глубине дома. Минут через десять Сергей последовал

его примеру. Через три часа в бильярдной они встретились вновь. Это была обширная комната площадью не менее двадцати пяти квадратов, в центре ее стоял большой стол, скорее всего, перекочевавший сюда из санатория для совковой партийной номенклатуры. Стол был отреставрирован; в углу комнаты стоял арсенал отличных киев. Угол, напротив, украшал мини-бар с множеством напитков на любой вкус и выбор. В третьем углу расположился стеллаж, забитый пластинками. Именно пластинками. Как потом признался хозяин дома, только этому формату звукозаписи он и отдавал предпочтение: «Сергея, нечем пока по достоинству заменить „винил“. Я всегда придавал значение качеству звука. Все эти CD, форматы MP-3 не идут ни в какое сравнение с „винилом“, будто ты сам не знаешь». Этот музыкальный уголок вместе с проигрывателем на невысоком столике ограничивали две огромные звуковые колонки. Потолок украшала ненавязчивая импрессионистская живопись в духе Василия Кандинского. Нетрудно было догадаться, что это было прихотью нынешнего обладателя особняка.

Плеснув немного «Хенесси» в два пузатых бокала, Сотников стал намеливать кий, в то время как его партнер перебирал пластинки. Через несколько минут комнату заполнил голос Лучано Паваротти. Его «O solo mia» переворачивала душу. Первую половину партии игроки молчали, наслаждаясь музыкой и между ударами делая глоток коньяка. Лишь звонкие столкновения бильярдных шаров заглушали боже-

ственный тенор мэтра.

У обоих было отличное настроение. Сотников, глядя на благодушную физиономию приятеля, был почти уверен, что вечер бильярдом не закончится, что вчерашний разговор будет продолжен. Даже сейчас, в отпуске, он смотрел на это пари как на свою работу – просто никогда не умел полноценно отдыхать, до такой степени всегда был занят, что даже в те редкие недели отпуска, в который его буквально выталкивала Елена Михайловна, он, к неудовольствию своей жены, не выпускал из рук мобильного, постоянно желая быть в курсе рабочего процесса. Один раз на пляже во время очередной телефонной дискуссии она вырвала у него из рук телефон и дурным голосом прокричала: «Вы можете хоть на неделю оставить его в покое... товарищ?» От «товарища» Сотникова прямо-таки перекошило. Елена Михайловна, потомственная дворянка, буквально выгрызшая свою родословную и при каждом удобном случае не забывавшая упомянуть этот весьма сомнительный факт, так и не определилась с формой обращения. Так и не уразумев, что с незнакомыми людьми можно говорить вообще без всякого обращения, она и ляпала «товарищ». Сотников вырвал тогда телефон у нее из рук и зло попросил никогда больше так не делать.

– Ну и кто он, твой герой? – наконец спросил он у Максима, загнав красивый шар в угловую лузу. – Расскажи мне о нем. Может, и я его знаю.

Чуть подумав, Соболев начал рассказывать.

...В школе Алеша Свинарёв не блистал успехами, был твердым троечником и не проявлял каких-либо способностей. Он не примкнул ни к элитарной части класса, ни к компании двоечников-хулиганов, а был сам по себе, издали прислушиваясь к разговорам и тех и других. Никто не обращал на него внимания и не предлагал дружбу. Однажды на перемене, жадно поглощая принесенный из дома бутерброд с салом, он вдруг встретился взглядом с самым крутым парнем класса. Тот смотрел на обжору неприязненно. Потом сказал: «Не подавись, Свинарёв. И что это за фамилия у тебя такая свинская, а, Хряк?» И с этого момента иначе его не называли. Он чувствовал, что все его недолюбливают, что и учителя относятся к нему, как к любой посредственности, с полным равнодушием. В мелкой душе его зрела обида на весь мир. «Ну ладно, я вам еще покажу... Я им всем докажу...» – злобно шипел он сам себе, засыпая дома на кровати с продавленной сеткой под храп спящих родителей. Жила семья в однокомнатной квартире. Отца, слесаря-сантехника, попивавшего ежедневно и на выходные напивавшегося до буйства, и мать, некрасивую изможденную женщину, уборщицу гастронома, Хряк в глубине души своей презирал и стыдился. «Так я жить не буду никогда», – думал он. Как-то классе в седьмом на перемене кто-то сильно толкнул его, и он, отлетев к окну, разбил стекло. Несмотря на несвязные оправ-

дания, учительница отвела его к директору. Пробыл он там подозрительно долго. После этого случая жизнь в классе изменилась. Многие каверзы худшей половины класса стали известны директору и учителям. Хряк стал самым обыкновенным стукачом, и многие об этом догадывались.

Однажды он по дороге из школы был бит двумя неизвестными пацанами, которые со словами «стукачей нужно стучать» порядочно его отметелили. Кто-то из «заложенных» им одноклассников попросил тех пацанов об этом.

Кое-как окончив школу, Алеша сделал попытку поступить в Общепит, но, провалившись на экзаменах, стал работать грузчиком на овощной базе и через год надел тяжелые армейские сапоги. Вместе с ним в части оказался и один из его одноклассников, поэтому немудрено, что обидное прозвище Хряк моментально перекочевало из класса в казарму. В солдатской среде Алешу тоже не жаловали. Он заискивал перед начальством, чтит устав и уже через восемь месяцев с тайной гордостью пришивал на свои погоны по две лычки. Теперь он «стучал» крайне осторожно, зная о крутом нраве сослуживцев. Любимой книгой в армейские годы стала для него трилогия Драйзера «Финансист», «Титан» и «Стоик», которую он раскопал в полковой библиотеке. Алеша страстно мечтал разбогатеть, только совершенно не знал, как это сделать. Прочитанное конкретных ответов не давало, а лишь окрыляло его мечту. На дембель Хряк шел в звании старшего сержанта и с двумя знаками отличия

на кителе. В дембельском вагоне, в тамбуре, бывшие его товарищи по оружию, крепко выпив, качественно на прощание Алешу побили, едва удержавшись от желания скинуть его с поезда, так что в свой дом – «хрущевку» на рабочей окраине города – Хряк вошел с лиловым бланшем и без двух передних зубов.

Не теряя времени, Алеша начал осуществлять свою мечту. Начав карьеру в качестве грузчика на городском вещевом рынке, он, отказывая себе во всем, стал копить деньги, и уже через полгода у него был маленький бизнес – лоток с женскими прокладками, презервативами и подобным немудреным товаром. Теперь он мог позволить себе не ходить на работу, как раньше, пешком, а ездил на общественном транспорте, а также, приобщая себя к «красивой жизни», раз в месяц ужинал в третьесортном ресторане. Наконец-то он смог вставить два недостающих зуба. Жениться Алеша из экономии пока не собирался. Прошло не так много времени, и лоток сменил маленький киоск с расширенным ассортиментом товара – за счет дамского нижнего белья, что давало Алеше возможность обмениваться репликами с представительницами прекрасного пола в более интимной обстановке.

Женщин Алеша обожал и немного побаивался. Он сразу их разделил на априори недоступных ему и тех, кого он вовсе не хотел. Внешностью он обладал самой заурядной: длинное с тяжелым подбородком лицо с близко посаженными глазами, тонким, почти безгубым ртом и крохотным вздернутым

носом. Ранняя плешь, к его огорчению, уже заявила о себе.

Как Алеша ни старался, так ни разу и не смог уловить даже намека на симпатию во взглядах своих покупательниц. «Ничего, – думал он, – пока еще мое время не пришло. Разбогатею – любую куплю, сами прибегут». Но он не богател, и они не бежали.

Постепенно постигая законы рынка, Рылеев начал давать заказы «челнокам», скупавшим все подряд в приграничных зонах Китая. Оборот нарастал, киоск был уже втрое больше прежнего, но в одну ночь превратился в железный остов, попав в непонятно по какой причине возникший пожар. Причем соседствующие с ним торговые точки практически не пострадали. Горю не было границ, и впервые в жизни Алеша сильно напился. О рыночном бизнесе он с тех пор не помышлял.

Проходив две недели в полной прострации, Алеша по чужому паспорту, найденному им в базарной сутолоке, смог устроиться кассиром в пункт обмена валют: безупречная армейская характеристика и преданный собачий взгляд развеяли все сомнения работодателя. Через полгода Алеша нежно перебирал в руках солидную пачку долларов, украденную им из обменного пункта. Недели на три он затаился и ненадолго покидал квартиру лишь с наступлением темноты. Душа его ликовала, хоть в глубине ее и поселилось чувство страха.

Последующие годы его существования были ознаменованы мелкими «кидаловами» – ухищренными обманами и раз-

личными уловками. Хряк становился элементарным подонком. Друзей у него не было, а знакомства он заводил лишь с теми, кого можно было затем использовать. Но тут Фортуна улыбнулась ему на все тридцать два зуба: Свинарёв вошел в круг организаторов одной из избирательных кампаний и благодаря своей преданности делу, расторопности и пунктуальности обрел со временем доверие этого круга, причем такое доверие, что в разгар событий оказался очень близко к деньгам, собранным на кампанию. Это была касса правящей партии, исчислявшаяся миллионами долларов. Нетрудно догадаться, что деньги из кассы исчезли, а вместе с ними и Алексей. Полгода он отсиживался в доме дальних российских родственников матери (уже со своим паспортом), после чего оказался в Одессе. Прожив почти месяц в гостинице, и осмотревшись, что происходит в городе, Алеша стал хозяином добротного пригородного дома и почти нового «Мерседеса». Он не стал мотом от внезапно свалившегося на него богатства, тратил деньги очень экономно и продуманно. В какой-то момент его осенила мысль, что бумажные деньги лучше всего превращать в вечную ценность – золото. Сначала он купил несколько банковских болванок, потом решил скупать золото в ювелирных магазинах. Рядом с «Мерседесом» уже стоял новенький «Майбах». У Свинарёва было уже все или почти все, о чем он мечтал в короткие солдатские ночи. В доме не хватало лишь женщины, услады плоти в его одиноком лежбище и матери его будущих детей.

И Хряк сплел все извилины своего мозга в единую навязчивую идею: «Хочу бабу, бабу хочу. Очень».

И очень быстро она появилась в его жизни. Все в ней пленило его: и божественная фигура, и лицо, не лишенное женской красоты, и неземное имя Эльза, хотя вплоть до школьного выпускного бала она была Софьей, Соней. Познакомились они совершенно случайно. Эльза сидела в пункте приема драгметаллов при ювелирном магазине, куда Хряк забрел за очередной покупкой. В этот раз Алеша решил украсить самого себя (он-то знал, что богат, но другие же этого не знали). Он сразу купил себе золотую цепь размером с собачий ошейник, два нелепых золотых перстня и завершил дело приобретением золотого «роллекса»: всегда считал, что «роллекс» – это очень круто. Хозяин магазина и единственный его продавец Фима Беркович был несказанно рад такому покупателю. Эльза, приемщица, даже вышла из своего закутка с советами по выбору товара. Тут-то Свинарёв ее и рассмотрел. В тот день Эльза была в мини-юбке, голубой кофточке с очень глубоким вырезом, открывавшим взору ее роскошный бюст. Хряка даже затрясло при виде этого совершенства. «Вот она! Она! Она!» – застучало в его голове.

Эльза тоже обратила на него внимание – но скорее на его пухлое портмоне. Устроившись на эту работу, она сразу же положила глаз на хозяина магазина, Фиму. Дела ее мужа не оставляли надежд на процветание, ей нужен был богатый любовник, а в лучшем случае – муж с хорошими деньгами.

Сначала Эльза пыталась оболести Фиму самыми обычными женскими уловками. Беркович был сорокалетним одесским евреем – абсолютно лысым, с усами, обрамлявшими чувственные губы, и ухоженной бородой. Одевался неброско, но очень качественно, предпочитая костюмы от Гуччи. Фима сразу же разбил надежды оболестительницы, дав ей ясно понять, что женщины его вообще не интересуют. Он был геем. Но Хряк им не был, и теперь он чуть не ежедневно наведывался в этот магазинчик только ради того, чтобы взглянуть на прехорошенькую приемщицу. Но не только ради нее. Часто они с Фимой уходили в кабинет, где Хряк получал информацию о выгодной скупке золота. Потом он скупал его на базарах, у барыг, возле приемных пунктов – цепи, браслеты, золотые николаевские «десятки», как в свое время делал Остап Бендер, с тем отличием, что за границу Хряк вовсе не собирался.

В магазине работали всего три человека – третьим был охранник, дуборылый Паша, целыми днями решавший кроссворды. Эльза сразу оценила ситуацию и даже пару раз предложила Хряку кофе. После месяца взаимного обмена комплиментами Свинарёв начал носить ей цветы, а еще через месяц набрался духу и пригласил в ресторан. Приглашение было принято; за шампанским он узнал, что она замужем за каким-то бизнесменом, что дела ее мужа идут все хуже и хуже и что не за горами полный их крах. И хотя это сообщение не порадовало, влюбленный Хряк готов был разбить

чужую семью, лишь бы не выпустить из рук предмет своего вожделения. Он хотел только эту женщину и никакую другую – и даже не подозревал, с каким вероломством ему придется столкнуться в будущем.

Эльза же, расчетливая, падкая до денег, хитрая (а хитрость – признак недалекого ума), сметливая бабенка, прирожденная актриса, давно уже поняла, что хороша собой; чуть ли не ежедневно ловя похотливые мужские взгляды, она быстро сообразила, что не пользоваться своей красотой – непростительный грех. Теперь же, когда денег в семье становилось все меньше, а муж из-за полосы неудач почти перестал с ней спать, в голове начали рождаться мысли, как от него избавиться. И хотя она не исключала возможности, что пройдет время и муж выпутается из сложной ситуации, ждать этого она не хотела. И тут возник Хряк собственной персоной. Прозондировав почву, а в этом плане ей не было равных, Эльза быстро поняла, что Алеша – очень небедный человек, а побывав в его доме, убедилась в этом воочию. Соня-Эльза, уже начавшая забывать об уютных креслах салонов красоты, услугах частных фитнес-тренеров, еженедельных посещениях дорогих саун в обществе подружек такого же толка, пляжах Анталии и Кипра, немного подумав, решила проглотить наживку. Вскоре она подала на развод, а еще через полтора месяца целовалась с Хряком после традиционного «горько».

Буквально на следующий день после свадьбы Свинарёв

отстегивал доллары за «Ауди» с откидным верхом перламутрово-розового цвета для своей новоявленной жены. Дом он, хоть и чужими руками, построил, дерево лично и символически посадил. Правда, на следующий год оно усохло, но на участке было достаточно деревьев, чтобы пренебречь неудачей. Осталось ознаменовать кодекс чести всякого уважающего себя мужчины самым главным – родить сына. Но прошел год, потом два, а намеков на предстоящее отцовство так и не появилось. Только много позже Хряк, обнаруживший в тумбочке своего божества штабеля противозачаточных таблеток, понял, в чем дело. «Милый, – ворковала Эльза за завтраком, – давай немного подождем. Узнаем друг друга получше, а потом уже и подумаем о детях, ведь мы еще так молоды. Давай пока поживем просто для себя. Ты же знаешь, каково воспитывать ребенка?» На последней фразе она, как правило, окатывала Хряка непорочным взглядом, в котором читались все страдания вырастивших своих чад матерей, но Алеше эти разговоры не очень-то нравились.

В доме появилась домработница, затем соседка за небольшие деньги предложила свои услуги в качестве поварихи. Деликатесы и напитки Свинарёв привозил из города. Жenu Хряк обожал и ради нее готов был на все. В его дом она вошла с небольшим чемоданом. Через год одна из комнат их гнездышка, предварительно отремонтированная вместе с остальными помещениями, превратилась в ее личный гардероб, в котором было все, начиная от пляжных шлепанцев

и заканчивая пискотом моды – шубой из шиншиллы. Еще через два месяца новоиспеченная семья выбрала отличную четырехкомнатную квартиру на улице Преображенской из категории «заходи и живи». Теперь их жизнь предстала во всем многообразии самых радужных красок.

Партия уже давно была закончена. Последние фразы Соболев произносил под слабое шипение доигравшей пластинки. Отложив кии, друзья, не сговариваясь, вышли на веранду. Подул легкий муссон, волна немного усилилась; комары вдруг исчезли. Ветер перебирал кромку солнцезащитного зонта и колыхал пламя свечей в непонятно зачем возникшем на столе канделябре. Луна, пробиваясь сквозь ключья облаков, совершала свой ежедневный обход со времен сотворения мира. Был второй день полнолуния.

– А почему именно он? Хряк-Свинарёв? Он что, испортил тебе жизнь? Просто из чистого любопытства.

Сергей, хоть и сразу понял, что людей подобного сорта и сомнительного статуса низвергнуть с высот проще пареной репы, все же задавался вопросом: как же этому ничтожеству, Свинарёву, удалось навлечь гнев Соболева. Сотников уже начал догадываться, что здесь что-то личное, и через минуту в этом убедился.

– А ты что, не догадался? Он попросту увел у меня жену. Эльзу, мою вторую, он и сманил. Буквально через полгода после после их свадьбы я опять начал подниматься, всплы-

ли новые контракты; но этого я ей не простил. Но скорее не ей, а ему. Потом я с головой ушел в работу, рана зарубцевалась. Вскоре появилась женщина, прекрасная, как мечта. Но предательства я не забыл, поэтому, когда мы заключили это пари, сразу же вспомнил об этой парочке. И наказать их посчитаю благим делом. Я все знаю об этом подонке – от одного своего приятеля, которому Хряк в свое время изливал свою поганую душу и рассказывал о трудном детстве и армейских кошмарах. Он каким-то косвенным образом помог ему обобрать партийную кассу во время той избирательной кампании, но в результате Хряк кинул и его, не поделился и уехал непонятно куда в Россию. Мой приятель сначала пытался его разыскать, потом плюнул и решил, что с этим ничтожеством лучше не связываться. Тем более партия та на выборах проиграла, деньги на кампанию были, как водится, списаны, и Хряка никто, кроме моего приятеля, особо и не искал. Я отлично знаю, где Хряк сейчас живет, и под какой фамилией. Я сделаю ему так плохо, как он этого заслужил, и, причем, с преогромным удовольствием! Ну а на кого пал твой выбор?

– Есть такой парень. Я знаю его несколько лет, и довольно неплохо, а также его семью. Он сосед моего тестя, теперь живет под Киевом. Так, как его поломала жизнь, и врагу не пожелаешь. Тесть в хороших отношениях с этой семьей: все праздники отмечают вместе за одним столом, помогают друг другу по хозяйству. Старику хоть уже и под восемьдесят,

но он еще ого-го! Как мало на свете стариков, владеющих искусством быть стариками! Он, видимо, еще не до конца исчерпал свою потребность о ком-то заботиться, относится к этой семье как к своим детям. Мы с женой время от времени наезжаем на выходные туда, и каждый раз тесть тащит к нам за стол этого парня. Ну, парень – это по нашим меркам, ему уже сорок с небольшим, Андреем его зовут. Пару раз он приходил к нам со своей женой, Олей, которую зовут исключительно Оленькой. Кстати, на редкость красивая женщина, с хорошими манерами, в общем, не из простушек. На ней просто взгляд отдыхал! За столом мне только на нее и хотелось смотреть, что я исподтишка и делал, втайне похорошему завидуя Андрею. Он сразу понравился мне. У него открытый взгляд, приятная улыбка, хорошо подвешен язык, и, как я впоследствии убедился, он глубоко порядочный человек. Скажи, где ты сейчас найдешь такой набор человеческих качеств в одном флаконе?

Он приглашал меня в свой дом. Поражала скудность обстановки. Старая тусклая мебель, пожелтевшие обои, допотопный компьютер. Но в доме очень чисто, и из-за этого убожество обстановки бросалось в глаза еще ярче. Сам дом был очень старый, обветшалый; весь участок, за малым исключением, засажен картошкой. Видно было, что семья живет очень скромно. И при этом они еще и поднимали двоих детей: старшеклассника, сына Оли от первого неудачного брака, и очаровательную трехлетнюю девочку. Когда я первый

раз к ним попал, та возилась во дворе, пытаясь приделать оторванную ногу к своей Барби. Я еще, помню, помог ей справиться с этим. Она внятно сказала мне «спасибо» и лучезарно улыбнулась.

Я никак не мог взять в толк: что делает здесь эта женщина, Оля. Как она, при всех своих данных, живет в этой халупе, в этой нищете, ведь она явно заслуживает лучшей участи! Такого не бывает! Притом при своих тридцати пяти годах выглядит лет на десять моложе без грамма косметики на лице. А понаблюдав за ними, со всей очевидностью понял, что она не просто хорошо относится к своему мужу, а влюблена в него! А какой же жалости достойна женщина, истинно любящая и притом добродетельная! Он же боготворил ее; то и дело слышалось: «Оленька, чем тебе помочь?»

Помню, сидя с ними за одним столом и любуясь Ольгой, я невольно перевел взгляд на свою супругу. Нет, я не искал сравнений, веселило ее поведение и собственная догадка, что, скорее всего, в молодой женщине она увидела соперницу. Она часто доставала зеркальце, поправляла прическу, иногда бестактно вставляла в разговор: «Сереженька, а ты помнишь, как мы с тобой на Елисейских полях... как это было замечательно...», – взывая к моей памяти и напоминая, что нам всегда было вдвоем хорошо, и сейчас хорошо, и так будет всегда. Хоть мне и было досадно, я оборачивался к ней и с фальшивой улыбкой подыгрывал: «О да, дорогая, такое разве забудешь?» В особенно смешное положение ста-

вят себя те стареющие женщины, которые помнят, что когда-то были привлекательны, но забыли, что давно уже утратили былое очарование.

Как-то мы оказались у деда на дне рождения. Что? Моя теща? Нет, она жива, хоть и не совсем здорова, но она настолько заурядный человек, что мне о ней и рассказать нечего. Так вот, это был день рождения деда (а я к нему иначе и не обращался); я взял три выходных, мы набили багажник вкуснятиной, хорошей выпивкой, ну и, конечно, захватили шмат мяса для шашлыков. Андрей, помню, порывался бежать в магазин за водкой, внести свою лепту. Я еле его отговорил. Нам повезло с погодой: царило бабье лето. В воздухе летала паутина, жужжали оводы, в палисаднике возле дома цвели астры – прощальный привет от уходящего лета. По двору носилась их малолетняя дочка. Рот ее был выпачкан шоколадом. Я очень отчетливо помню этот день... Стол стоял прямо во дворе, у всех было радостно-приподнятое настроение, даже лай местных собак звучал иначе, как бы подтверждая, что жизнь, если подумать даже и собачьим умом, очень даже неплохая штука. Мы с Андреем вызвались жарить шашлык, и тут-то он мне и рассказал свою историю.

Сотников налил в обе рюмки, закурил очередную сигару, взял свой коньяк и отошел к перилам веранды. Хорошо отхлебнув и впустив в легкие дозу никотина, он повернулся к собеседнику и продолжил:

– Не буду особо затягивать, хотя история этой любви

достойна романа. Было видно, что Андрей рассказывал ее не из желания вызвать сострадание. Вел рассказ он в легкой манере, будто события, изломавшие его, происходили с кем-то, а вовсе не с ним. Вырос он в довольно обычной семье. Отец, заводчанин, был добродушным человеком, в меру выпивающим. Мать же, интеллигентная женщина, преподаватель в одном из городских техникумов, умудрявшаяся совмещать работу с поддержанием порядка в доме, готовкой еды и воспитанием Андрея, была воплощением всех добродетелей.

Андрей мне признался, что всем хорошим, что в нем есть, он обязан именно ей. Все, что было в ее силах, она делала для него. Там было все: и навязчивые потуги засадить отпрыска за пианино, которые успехом не увенчались, и еженедельное подсовывание на его тумбочку очередного литературного шедевра взамен предыдущего непрочитанного. Все это он рассказывал слегка похохатывая, как бы не всерьез.

Раньше я полагал, что к новым знакомствам нас обычно толкает не столько усталость от старых или любовь к переменам, сколько недовольство тем, что люди хорошо знакомые недостаточно нами восхищаются, и надежда на то, что люди малознакомые будут восхищаться больше. Я давно уже так не думаю. Подозреваю, что я немного поумнел. Вот и с Андреем мне просто захотелось поближе познакомиться, а со временем он стал мне настолько симпатичен, что, я мог бы захотеть рассказать ему о себе.

Слушай дальше. Андрей, сделав попытку поступить в театральное училище, а потом и поступив в него, очень скоро убедился, что сделал неправильный выбор, и, совершив крутой вираж, сделался курсантом Академии СБУ. Не знаю, может, мама клала на тумбочку не те книги. Академию он закончил и стал работать, но, имея врожденную несклонность лизать чью-то задницу, по служебной лестнице практически не продвигался. С большим трудом он уволился. Такая структура, как СБУ, цепко держится за своих сотрудников и крайне неохотно с ними расстаётся. Все это я рассказываю вкратце, мелкие подробности опускаю, да тебе они и не к чему. Помыкавшись на каких-то левых работах, он оказался в Чечне, сначала во вторую, а затем и в третью кампанию. Знаком с Юрой Шевчуком. Тот приезжал туда с бесплатными концертами, прося за свои гастроли лишь освобождения из плена какого-то количества наших ребят, в том числе контрактников. Бородачи в итоге Шевчука обманули. Слушали они его с удовольствием, но вместо оговоренных тридцати человек освободили лишь двенадцать. В этой дюжине волей судьбы оказался и герой моего рассказа. Кроме незабываемого знакомства с рок-звездой и шрама на пол спины, он не привез оттуда ничего, денег тем более.

Однажды случай свел его с давним приятелем по Академии СБУ, который тоже расстался с этой структурой, по состоянию здоровья, и теперь работал на Харьковской таможне. Это был золотой век «челноков», которые умудря-

лись протаскивать свои знаменитые клетчатые сумки на всех участках российско-китайской границы. Но имперские замашки господина Путина взяли вверх. Границу закрыли, оставив лишь один официальный ввоз с взиманием немалой пошлины. Но официоз и пошлины мало кого устраивали, и был найден другой гениальный выход. Весь товар поехал в обход, через Украину, напрямик в Одессу, а уж потом, доставленный к границе с Россией, ночами перебрасывали на территорию сопредельного государства. Здесь граница была попроще китайской, а договориться братьям-славянам не составляло никакого труда. Эта контрабандная лазейка превратилась в такую кормушку для наших изобретательных пареньков, что от сумм их ежедневных прибылей волосы на голове вставали дыбом. По обе стороны границы, чуть ли не впритык, под видом складов с «убитой» сельхозтехникой стояли арендованные просторные помещения, в которые свозился товар, закупленный у китайцев, ну а затем уже право давать «добро» принадлежало нашим славным скромным украинским и российским паренькам. Они его и давали, и не за «так», естественно. За ночь через эту таможню проходило до тридцати фур, под завязку набитых товаром. В общем, скажу на обывательском уровне: если бы на таможенника в момент его возвращения домой напал бандит и выпустил в него всю обойму, то таможенник ничуть бы не пострадал: все выпущенные пули застряли бы в пачках купюр. Но это уже я так, от себя, вывел такой коэффициент,

исходя из рассказов Андрея. Туда-то, он и устроился. Деньги текли сумасшедшие, но их негде было тратить. Что такое приграничная зона? Это глушь, глушь и глушь. Это ночной вой одичавших собак, это отключаемое несколько раз в сутки электричество, это отсутствие рядом более или менее привлекательной женщины... Тут-то Андрюша и решил: а ведь прав был Стас Говорухин, так жить нельзя! Помнишь этот фильм? Сам фильм – полное убожество, но название интригует. Так вот, вышел как-то Андрюша из своей хибарки, где не было ничего, кроме матраса, состоявшего из плотно упакованных пачек долларов, небрежно накрытых рогожей, и ящика, служившего одновременно и столом, и стулом, в проливной дождь. Мокрый кулак плотно прижал к взволнованной груди и заорал в небеса: так жить низзя, низзя, низ... – На третьем «низзя» Сотников поперхнулся и начал безудержно ржать. – Прости, иногда меня несет. На самом деле все было намного прозаичней. Он жил во вполне сносных условиях, но отсутствие полноценной цивилизации тяготило. И он сам, без чьих-либо советов, сделал такой шаг: поехал в Киев, отдал кучу денег, но зарегистрировал фирму, официально пропускающую весь этот товар. Поток денег немного иссяк, но промежуточные потери были настолько незначительными, что это его особо и не огорчало. Да и не падок он был до больших денег – это не Хряк, это другой случай.

И тут, по его признанию, случилось самое значительное

событие в его жизни: он влюбился, причем всерьез и надолго. Слушай теперь внимательно, Макс. Я даже и не знаю, как начать эту часть рассказа. Закончив все хлопоты по организации фирмы, Андрей дал в газете объявление о наборе сотрудников. Количество вакансий он не указал, а на самом деле ему требовались всего лишь два толковых парня и секретарша, которые и не замедлили явиться.

Секретаршу он взял сразу же, отметив ее прекрасное владение компьютером, знание китайского языка, да и вообще она неплохо выглядела. «Толковых» парней он менял потом не раз, но секретарша прочно заняла свое место. Андрей видел ее по сто раз в день, но особого внимания на нее не обращал. Однако секретарша эта (а Андрей только через неделю убедился, что запомнил ее имя) – Оля...

Андрей зашелся смехом, когда вспомнил, как, приняв на работу, он написал на каком-то настенном календаре ее имя, и каждый раз при потребности обратиться смотрел на эту надпись. Уже потом, когда он был в нее влюблен, в тиши своего кабинета он обводил эту надпись снова и снова.

Ольга совсем недавно развелась с мужем и жила с ребенком у своей матери. Только через месяц Андрей, присмотревшись, увидел, что она невероятно хороша собой. Это была шатенка невысокого роста со светло-кариыми глазами и прекрасным телосложением. Спустя еще какое-то время он стал ловить себя на мысли, что постоянно о ней думает. Они часто болтали за чашкой кофе, он подвозил ее после работы

домой, хотя вначале она категорически отказывалась от его услуг. А еще через месяц понял, что влюблен в нее до беспамятства. У него раньше были женщины, но ничего подобного он в своей жизни не испытывал. И он сделал ей предложение. Наличие у нее ребенка не было преградой. Они стали мужем и женой.

Сначала жили втроем в его двухкомнатной квартире. С ее сыном в первое время отношения складывались непросто. Парень был настоящим сорвиголовой, грубил им обоим, плохо учился в школе. Через год его было не узнать. Очень скоро они въехали в купленную Андреем огромную двухуровневую квартиру в центре города, а еще полгода спустя началось строительство загородного дома. Андрей был по-настоящему счастлив. Он и представить себе не мог, что способен так любить женщину.

Дела шли отлично, фирма процветала. Ольга, несмотря на полный достаток, продолжала там же работать. Ей просто хотелось всегда быть рядом с мужем. Они побывали во Франции, катались на гондоле по каналам Венеции, бродили по ночным улицам Амстердама. Следующий отпуск планировался в Таиланде.

На этих словах Сотников остановился. Налил себе, немного отпил и, закурив, продолжал. Макс, внимал ему, не перебивая. Хоть и стояла уже глубокая ночь, расходиться друзья не собирались.

– Но, – говорил Сергей, – зло, как и добро, имеет своих ге-

роев. В фирме стали происходить непонятные вещи. Сначала отчисления поступали с перебоями, а затем и вовсе прекратились. Кто-то затягивал на шее Андрея петлю. Очень скоро он узнал, кто именно. Три какие-то левые фирмы стягивали весь китайский товар на себя, получая полнокровную прибыль, но все было устроено таким образом, что об этих фирмах не знала ни одна налоговая инспекция. У них не было ни офисов, ни представителей, все сделки осуществлялись по телефону.

Андрея стали душить налоговики. Сначала он расстался со всеми наличными деньгами, потом заложил городскую квартиру, а затем и загородный дом, к тому времени практически построенный (он даже успел провести там с Олей несколько выходных). Ну а потом, по законам жанра, начался полный крах. Всю недвижимость и другое имущество в Харькове им пришлось продать и довольствоваться, доставшейся Ольге в наследство хибарой в пригороде Киева. Там я их и застал.

Сначала Андрей сильно запил. Оля, понимая, что происходит в душе мужа, ни в чем его не упрекала, а, наоборот, всячески поддерживала, ободряла, вселяла в него надежду. Андрей признался мне, что в этот период он научился плакать. И именно любовь жены помогла ему справиться с крахом. Два года после этого он не мог найти себе место в бизнесе, потом стал просто рабочим. Подрабатывал на стройках, много чему там научился. О возвращении в СБУ он да-

же не думал, хотя узнал от случайно встреченного бывшего однокурсника, что там его помнят и, по намекам, ждут. Хоть и велик был соблазн, Андрей на этот путь возвращаться не собирался. Однажды появилась возможность вернуться в таможенный бизнес, но Андрей или из-за нерасторопности, или еще по каким-то причинам эту жар-птицу упустил.

Теперь они жили, как подавляющее большинство, считая каждую копейку. Через два года Оля объявила ему, что беременна... Мы никогда не узнаем, ни ты, ни я, что происходило в тот момент в душе этой женщины, мы лишь можем констатировать факт: она родила ему очаровательную дочку. Андрей, по его же признанию, чуть с ума не сошел от счастья! «Как она решилась на это, просто ума не приложу, – говорил он мне тогда, в минуту полного откровения, – ведь видела же, что я стал полным лузером, что если дела и поправятся, то это будет очень и очень не скоро. Я очень хотел этого ребенка, но понимал, что не время, что нужно опять встать на ноги, а уж потом... Я даже что-то ей мямлил по этому поводу, ненавидя себя самого, ... но она родила мне мою дочку, Настеньку. Невзирая ни на что... Для меня это до сих пор большой вопрос. А у тебя нашелся бы на него ответ?» Как сейчас помню выражение его глаз. Этот парень, зачерствевший на войнах, видевший много крови, убивавший и сам чудом выживший после минометной атаки «бородачей», просто забыл, что помимо всех прочих чувств, в жизни все еще есть любовь. Тогда я ему так и ответил: «Андрей, ты

хочешь услышать ответ на этот вопрос? Да он лежит у меня в кармане: просто она тебя очень сильно любит, понимаешь? **ПРОСТО ОНА ТЕБЯ ЛЮБИТ!**» Помню его в одночасье повлажневшие глаза, и помню, как якобы за поленом для костра он ушел в глубину двора...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.